

УДК 7.01

М.Н. Тюрина

кандидат философских наук

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

АРХАИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ДИСКУРСОВ В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА

**[Tyurina M.N. Archaization of language discourses
in the period of socio-cultural crisis]**

The article considers various processes of culture archaization which appear in different transitive periods of life both of an individual and society as a whole. In crisis periods of social development archaic elements of culture step forth and perform a regulatory function in the society. This leads to primitivization, regress of language discourses and enhances the power of archaisms. Thus, the article analyzes various forms of language discourses archaization under the conditions of acute socio-cultural crisis.

Key words: archaization of culture, language discourse, archaisms, the power of language in culture, socio-cultural crisis, logosphere of culture.

Кризисные явления в обществе затрагивают, несомненно, и явления культуры. В эпоху социокультурных трансформаций культура играет особую роль, выполняет важнейшие для человека и общества функции. Именно в этот период происходит разрушение базовой для данной социокультурной целостности системы ценностей. В кризисные периоды развития общества на поверхность привычных порядков всплывают архаические элементы культуры, которые начинают осуществлять регуляционную роль в жизнедеятельности индивида и общества. Как справедливо заметила В.Г. Федотова, архаика – это «нечто укорененное, что оживает при всех социальных турбулентностях и представляет собой проявление исторически сложившегося социокода, который глубоко впитался в психику и культуру народа» [7, с.3-19]. Эти процессы отражаются и в логосфере культуры, что ведет к архаизации дискурсов, возрождению языковой архаики что, в свою очередь, оказывает мощное воздействие на характер развития общества. Архаизация ведет к примитивизации, к обнажению примитивных слоев культуры. Ее проявления многообразны и возникают в различные транзитивные периоды жизни индивида и общества.

Как отмечает Ч.К. Ламажаа, «изменения в социокультурной сфере не могут осуществляться без активизации архаического субстрата в психике и ментальности человека» [4, с.61]. Элемент архаики является особенностью ментальности россиян на протяжении сотен лет исторического развития России. В. Булдаков, анализируя эпоху революции 1917 г., отмечал, что архаика тем или иным образом определяла ход социально-политического и культурного развития России. Во времена социалистических революционных преобразований революционная элита нашей страны попыталась начать историю с белого листа и были предприняты шаги к тому, чтобы сформировать «нового человека». Разумеется, традиционалистские массы не могли этого принять. Огромные массы населения, которые были вовлечены в этот процесс, в активные модернизаторские действия со стороны власти (индустриализация) «отвечали» на это активизацией архаических пластов своего сознания. В связи с этим возникали соответствующие речевые дискурсы, в которых возрождались архаичнейшие образцы власти – подчинения. В революции весьма существенным моментом оказывается бунт архаики, который явно подрывал модернизаторские устремления большевиков, направленные на индустриализацию страны, на введение социалистических форм хозяйствования. Революция содержала в себе немалые элементы «бунта», массового и немотивированного насилия. Бунтующая личность утверждала себя через насилие, что легитимизировалось в соответствующих языковых практиках, а затем и инкорпорировалось во властные официальные дискурсы. Язык революции во многом несет отпечаток идеи неограниченного насилия, практически первобытного геноцида по отношению к «чужим» - представителям других классов, социальных групп и прослоек. Н. Бердяев в свое время задавался вопросом: каким образом строить государство в стране с крайне низким уровнем политического и государственного сознания? Если крестьяне, обладая вековым опытом общинной самоорганизации, могут организовываться на местном, низшем уровне власти, то государственное строительство в целом по стране осуществляли революционные деятели, часто исходя из утопических предпосылок. От государства и правительства ожидалось чудо. Государство воспринималось массовым сознанием как то, что существует само по себе и не зависит от общества в целом. «И в прошлом, и в настоящем динамику кризиса в России определяет не осознанная борьба интересов, характер-

ная для западной политической культуры, а все то же привычное стремление массы к воссозданию «своей» не ясно какой, но не бюрократической бездушной власти. Непонимание этого западническими квазиэлитами в России неумолимо сталкивает их на обочину современной политики» [2, с. 370].

В дискурсе государственной власти в связи с этим выражаются в первую очередь не интересы тех или иных классов или слоев населения, а ценности, на которые ориентированы деятели революции.

Противостояние архаического и модернизаторского в революции отражается и в существовании двух дискурсов власти. Первый обращен к массам, к народу, пролетариату и трудовому крестьянству. Другой же предназначен для беспощадной политической и вооруженной борьбы с «врагами революции». Архаическое начало присутствует прежде всего во втором случае. Однако «революционное насилие» не останавливается, когда сопротивление «врагов революции» подавляется, и социально чуждые элементы эмигрируют из страны или оказываются лишенными гражданских, политических и прочих прав. Языковой дискурс архаического насилия направляется и на самих революционных деятелей. В послереволюционной России повторяется в гораздо более масштабных формах история французской революции, которая «сожрала» своих детей. Дискурсы медиального диалогического плана, направленные на нахождение взаимопонимания, общего интереса, единой системы ценностей и т.д., в революционную эпоху практически отсутствуют – «кто не с нами, тот против нас» [6, с.100-104].

По мнению А.С. Ахиезера, при столкновении архаизации и прогресса единственным кардинальным средством против социальной дезорганизации является развитие диалогизации как системы определенных отношений и субкультуры. Достичь этого можно путем формирования соответствующих институтов, а также развивая в расколотых элементах общества способность к принятию общих решений. «Недостаточная развитость диалога создает условия для господства архаичной культуры, сокрушающей при своей активизации иные формы культуры, прежде всего несущие ориентацию на прогресс. Россия пошла именно по этому пути. Отношение между реформой и архаизацией носило характер взаиморазрушения. Тем не менее, не исключалось определенное взаимопроникновение, т.е. преобразование под воздействием народного сознания деятельности реформаторов, их отступление от

классических требований либерализма. Это проявилось, например, в использовании для проведения реформ авторитарных методов. Одновременно архаизация все менее выступает в чистом виде, но пронизывается и, возможно, разъедается утилитаризмом. Возможно, это имеет смысл расценивать как определенное сближение расколотых, противостоящих друг другу форм культуры. Тем не менее в России эти процессы не обрели форму и степень, способные создать состояние диалога, ведущего к синтезу. Не преодолены разрушительные формы раскола, не осознаны условия для синтеза, открывающего путь реальному экономическому развитию. Процессы ограниченного взаимопроникновения расколотых форм культуры создают условия для формирования гибридных форм культуры, для создания искусственных мифов (идеологии). Это распространено в России, в частности, в форме большевистской идеологии, мифологизации науки» [1, с.97-98].

Процессы архаизации культуры можно наблюдать и в плакатах эпохи революции 1917 г. в России и последующей за ней гражданской войны. Язык плакатов лаконичен, и воздействие слова на сознание человека подкрепляется здесь системой образов, раскрывающих культурную семантику лозунгов.

Война в любых ее проявлениях является формой агонального противостояния, предполагающего уничтожение своего противника любыми способами и методами. В связи с этим можно привести пример того языка плакатов, который был принят в годы гражданской войны в России в эпоху революции. Язык плаката ориентирован прежде всего на архаические страты человеческой психики с тем, чтобы вызвать соответствующую реакцию, снимающую цивилизованный флер с поведения человека. Основная мифологема революционных плакатов, впрочем, как и других плакатов, связанных с войной, представляет мир, поделенный на две «половинки», где действуют светлые и идеальные образы, а им противостоят чудовища, теряющие человеческий облик. В плакатах такого типа поражает огромное количество сцен насилия, где герои уничтожают существа, лишь отдаленно напоминающие людей. Советский плакат унаследовал художественные приемы, символы и образы прошлого, переосмысливая их в контексте революции. Художники обращались к символично-аллегорическим образам. Ярким примером такого плаката является «Смерть мировому империализму», где главное зло, мировой империализм, предстает в виде зеленого дракона, обвивающего дымящиеся фабрики и заводы. В плакате

основным является текст, кратко и ясно призывающий к определенным действиям. Плакаты резко выделяются многочисленными призывами не просто победить, а непременно убить противника: «Убей врага», «Смерть мировому империализму», «Смерть кровавым приспешникам Антанты» и т.д.

Ф.Кемпфер отмечал, что противник на плакатах, как правило, не персонифицирован, однако его изображение искажено до уродливого или смешного. Примером такого плаката служит сатирическое изображение Николая II в виде пьяницы с короной набекрень, попа с острыми вампирическими клыками и пузатого кулака – плакат художника Пета «Царь, поп и кулак». В дальнейшем к этим типажам присоединились и другие враги революции, вроде белого генерала, буржуя, польского пана и т.д. Все они изображались толстыми и жирными до омерзения. Например, за доброжелательной маской Антанты скрывается жуткое, невероятно толстое существо с глазами навывкате, которое символизирует звериный образ капиталиста. Враги революции были часто показаны и в виде уродцев, дегенератов, явно больных или сумасшедших людей. Противоположная сторона – красноармейцы, рабочие и крестьяне – всегда напоминали своим видом лубочных героев былин и русских народных сказок, людей идеального типа, воинов, рыцарей. Язык плаката, таким образом, низводит врага до уровня выродка, которого следует убить, раздавить, уничтожить без всякой жалости.

Военный плакат в любых его формах апеллирует к архаическому противопоставлению «мы – они». В символическом или языковом виде в них возрождается первобытный стиль мышления, где слово «мы» содержит в себе все хорошее и позитивное, а «они» – агрессивное, чудовищное, животное, нечеловеческое.

Следует отметить, что подобного типа плакаты во время Первой мировой войны создавались и распространялись в огромных масштабах по всей Европе. По мнению Ш. Плаггенборга, советская послереволюционная пропаганда явно взяла в качестве идеологической основы идеи социал-дарвинизма, которые были распространены в Западной Европе в период «Великой войны». В этом смысле советский плакат агонального типа является продолжением того идеологического ряда, который сформировался во время противостояния стран Антанты и австро-германского блока. «Не в последнюю очередь плакаты направлены на достижение эффекта солидарности. Вне зависимости от того, что изображено на плакате – заводы или географическая местность,

важно, чтобы у зрителя возникало чувство: «Это наше». При всех интернационалистских интонациях плакатов первых лет при более внимательном рассмотрении в них прослеживается тенденция к созданию чего-то, что можно назвать «пролетарской родиной». Красноармеец-пролетарий одерживал победу не только как классовый борец, но и как россиянин. Этим объясняется доминирование национального компонента на большинстве плакатов периода русско-польской войны. «Зверь-капитал» был явлением наднациональным, а пан – чудовищем из Польши. Он угрожал пролетариату как классовый враг. Он унижал пролетариат России и бросал ему вызов, опустошая его русскую родину, хотя в действительности-то дело касалось в основном украинских территорий. Среди ранних советских плакатов не было более кровавых и жестоких, чем те, что были созданы в месяцы польской кампании и одновременных боев с бароном Врангелем. Складывается впечатление, что национальный компонент, привнесенный польским паном, прямо-таки окрылил фантазию художников, т. к. 1920 г., по общему признанию, представляет собой вершину художественного развития этого жанра» [5, с.200].

Язык как один из элементов символического капитала сам стал рационализированным продуктом массового производства. С этим связаны и значительные изменения, которые происходят в русском языке в перестроечный и в постперестроечный период. Советский тоталитарный языковой дискурс разрушается, и возникают новые дискурсы, отражающие необходимость агрессивного воздействия на сознание и деятельность людей и требующие переосмысления старых значений и их замену новыми. По мнению В.Т. Костомарова, это происходит через интенсивную коллоквиализацию и жаргонизацию словоупотребления [3].

До недавнего времени социальным жаргонам и арготизмам отводилась незначительная коммуникативная роль. Так, например, нищенское арготизм, достаточно хорошо развитое в дореволюционное время, к середине XX века утратило свою социальную базу. Арготизм беспризорников, впитавшее в себя многие элементы блатного жаргона и которое довольно активно использовалось в 20-е гг., позднее угасает, не имея устойчивого контингента носителей. Однако в конце века оба арготизма возрождаются на новом социальном и языковом материале, поскольку пополняются ряды этих деклассированных элементов общества. Эти два арготизма существуют наряду с другими язы-

ковыми образованиями, которыми пользуются уголовники, мафиози, наркоманы, фальшивомонетчики и другие социальные группы, являющиеся частью населения современной России.

В основе этого многообразия лежит тюремно-лагерный жаргон. *Барыга, пахан, малява, косяк, фуфло, общак, авторитет* – все это стало частью русского языка и активно используется представителями самых разных социальных групп. По словам И.Г. Яковенко: «...обыденный язык буквально пронизан языком «зоны». Более того, он нашел отражение и в литературе, в частности, в прозе В.П. Гроссмана, А.И. Солженицына, в поэзии В. Высоцкого и других. Столь заметный интерес к феномену тюрьмы является наследием тоталитарного режима. Общество «болеет» зоной. Феномен тюрьмы несёт в себе особую, завораживающую притягательность. Такая притягательность амбивалентна, здесь присутствуют и страх, и тяга. В основе этого феномена лежит некий резонанс. «Зона» раскрывает подсознание общества. Выявляет мощь неизжитых ранее архаических слоёв ментальности, которые актуализируются, реагируя на соответствующую фразеологию. На самом деле «зона» – один из ликов бытующей в русской народной культуре утопии Опонского царства. И тот факт, что сознание обычного массового человека откажется с этим согласиться, указывает на его конфликт с собственным подсознанием, которое заставляет неоправданно часто прибегать к словам и образам из, казалось бы, отторгаемой реальности»[9, с.90].

Следует особо отметить, что власть архаики в языковой культуре проявляется и латентным, не столь явным, как в периоды острых социокультурных кризисов, образом. С этой точки зрения можно рассмотреть идеи Маклюэна. По его мнению, в истории общества первой формой культуры была аудиокультура, то есть стихия устной речи. Начиная с первобытного строя именно звук обладал наиболее мощным воздействием на сознание индивида, индивидуальность которого понималась, чувствовалась и осознавалась через принадлежность к социокультурному целому – общине или роду. Маклюэн считал, что в современной культуре возникает парадоксальная ситуация, когда средства массовой информации, и прежде всего телевидение реанимируют эту «культуру слуха». Именно она является важным конструктивным элементом массовой культуры потребительского общества, где индивидуальность размыта в коллективных представлениях, ценностях и идеалах. Маклюэн утверждал, что если каждый телезритель видит телевизионный сюжет «по-своему», инди-

видуальным образом, то речевой звукоряд оказывается единым для всех слушателей. Современная культура характеризуется такими понятиями, как «мозаичность», «клип-культура» и внедряется в сознание масс при помощи телевидения, а затем и Интернета. Она вводит потребителя в гипнотическое состояние, снимает контроль зрения – Маклюэн сравнивает изобразительную мозаику телевидения и компьютера с монотонным раскачиванием гипнотизером какого-либо блестящего предмета. «Клип-культура» представляет собой бесконечный видеоряд, который «обманывает» зрителя, ибо создает впечатление полноты и объективности отражаемых на экране событий. Под это монотонное чередование клипов, видео-роликов, репортажей и т.п. зритель входит в гипнотическое состояние, когда гипнотизером, властвующим над своим пациентом, становится диктор или политик, полностью использующий слово и звук для манипулирования сознанием аудитории. Слову и звуку вновь возвращают их силу и мощь периода архаики. П.А. Флоренский в свое время прозорливо заметил: «Но убеждение в магической силе слова, на протяжении веков и тысячелетий, составляет всеобщее достояние народов самых различных, и едва ли можно указать хоть бы один народ и хотя бы в одно время своего исторического развития, который бы не имел живейшей веры в магическую мощь слова. Эта вера так распространена и прежде и теперь, что ее, говоря о народах, приходится считать неразрывною с самым пользованием речью и видеть в ней необходимый момент в самой жизни языка» [8, с. 253].

Таким образом, модернизационные процессы в современном мире породили самые разнообразные формы кризисов. Однако эти процессы чреваты рисковой неопределенностью, возможностью хаотизации социокультурной жизни, активизацией борьбы между традицией и новацией. Это парадоксальным образом может привести к варваризации или архаизации социума и культуры, когда в условиях разрушения господствующих ранее культурных ценностей, норм и идеалов образуется так называемый культурный вакуум, который заполняется элементами архаической, уже, казалось бы, преодоленной в ходе цивилизационного развития, культуры. Архаизация языковых дискурсов сопровождается активизацией архаического страта общества, который берет на себя все больше социально значимых функций. Власть языковой архаики непосредственным образом отражается в системе языковых дискурсов логосферы культуры, в результате чего соответствующим образом смещаются ценности и смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахиезер А.С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.
2. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
3. *Костомаров В.Т.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 2000.
4. *Ламажа Ч.К.* Архаизация общества. Тувинский феномен. М., 2013.
5. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
6. *Тюрина М.Н.* Личность-язык-культура: полистилизм и моностилизм// *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2008. №4.
7. *Федотова В.Г.* Российская история в зеркале модернизации // *Вопросы философии*. 2009. № 12 .
8. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // *Сочинения*. М., 1990. Т.2.
9. *Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4.

REFERENCES

1. *Akhiezer A.S.* Archaism in Russian society as method- ological problem // *Social Sciences and Modernity*. 2001. № 2.
2. *Buldakov V.P.* Red distemper. Nature and consequences of revolutionary violence. Moscow, 2010.
3. *Kostomarov V.T.* Linguistic taste era. From the observation of the speech practices of the media. St. Petersburg., 2000.
4. *Lamazha Ch.K.* Archaism society. Tuvan phenomenon. M., 2013.
5. *Plaggenborg Sh.* Revolution and Culture. Cultural landmarks in the period between the October Revolution and the Stalinist era. St. Petersburg., 2000.
6. *Tyurin M.N.* Personality-language culture: polistilizm and monostilizm // *humanitarian and socio-economic sciences*. 2008. № 4.

7. *Fedotova V.G.* Russian history in the mirror of modernization // Problems of Philosophy. 2009. №12.
8. *Florensky P.A.* In watersheds thoughts // Vol. V.2. M., 1990.
9. *Yakovenko I.G.* Civilization and barbarism in the history of Russian // Social Sciences and Modernity. 1996. № 4.

23 июля 2014 г.